

ВЕЧЕРНИЕ БЕСЕДЫ: ВСТРЕЧИ С ПРЕКРАСНЫМ

КАЖДЫЙ вечер на сцене московских театров выходят мои коллеги—актеры. Кто-то из них сыграет сегодня главную роль в спектакле, кто-то — маленькую.

«Нет маленьких ролей, есть маленькие артисты», — эти слова Константина Сергеевича Станиславского стали аксиомой. И все-таки мне хочется напомнить их. Рассказать, как дорог нам каждый выход на сцену, каждый сыгранный персонаж. Ведь в работу над любой ролью вкладывается так много!

Почти шестьдесят лет назад мы — воспитанники Второй студии МХАТа — играли «Зеленое кольцо». Мне дали почти бессловесную роль гимназистки Вари. Но как увлекла эта работа, сколько радости доставила! Зрителей заинтересовала моя маленькая, забавно серьезная героиня. И разве не было это высшей наградой за труд!

В 1916 году меня, молодую актрису, приняли в труппу Художественного театра. Я тогда играла Унтер-офицершу в гоголевском «Ревизоре», сваху Волохову из трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович», Матушку из «Унтиловска» Л. Леонова.

Играла с необыкновенным чувством: ведь доверили эти роли гениальные режиссеры — К. Станиславский и Вл. Немирович-Данченко. Они учили молодых артистов стараться даже в деталях крохотной роли отыскать что-то запоминающееся, найти особенности в гриме, костюме. Они учили свято относиться к искусству, помнить, что на сцене не бывает мелочей.

До сих пор памятна мне роль Матрены в инсценировке «Воскресения» Л. Толстого. Я играла старую крестьянку — темную, забитую. На один из спектаклей пришел М. Горький. О моей Матрене он сказал: «Лучше, чем в жизни...».

Как же готовится подобная роль? Как и любая другая.

Пытаешься понять, что за человек твой персонаж, каковы его привычки, вкусы, как он выглядит, как ведет себя в той или иной ситуации. Поручили мне сыграть предсказательницу Манефу в комедии «На всякого мудреца довольно простоты» А. Островского. Ее часто изображают кликушей-монашкой. А я подумала о том, что сейчас важнее разоблачить ханжамовного рода. По-

просила сшить два костюма. В одном Манефа — нищенка. В другом она появляется среди людей богатых. Это подчеркивало ее приспособленчество.

Хочется привести пример блистательного исполнения эпизода. В спектакле Художественного театра «Горе от ума» Загорецкого играл И. Москвин. В грибоедовской комедии есть ремарка: «Толпа гостей. Между прочим, Загорецкий». Именно так — между прочим — возник на сцене персонаж Москвина. Спина его застыла в угодливом поклоне, к уголкам рта словно при-

«СЕГОДНЯ—ГАМЛЕТ, ЗАВТРА—СТАТИСТ...»

Сегодня вечернюю беседу ведет народная артистка СССР Анастасия Платоновна ЗУЕВА

клеилась улыбка. Вот только глаза из-под дымчатых очков поблескивали недобро, изучающе. Он снова среди гостей, весь — олицетворенная предупредительность. Затем замирал возле Репетилова, разглагольствующего о тайных собраниях. С видимым усердием выслушивал его болтовню, шевелил губами, запоминая... И за личиной любезности обнаруживался профессиональный доносчик и мошенник. Небольшая по объему роль превращалась в сатирический портрет типичного обитателя грибоедовской Москвы. А в «Живом труп» Л. Толстого Москвин выходил в беззвучной роли судейского чиновника. И перигрывал всех партнеров!

В связи с этим вспоминается афоризм Станиславского: «Сегодня — Гамлет, завтра — статист, но и в качестве статиста он должен быть

артистом...». Это правило для мхатовцев всегда было законом. Рассказывают, что один из старейших наших мастеров — Г. Бурджалов, изображая нищего в последней картине «Царя Федора», надевал на себя тяжелые чугунные вериги. Они были не видны публике, но необходимы исполнителю для ощущения образа и эпохи. В облике нищего-убогого появлялся в этом спектакле и М. Чехов, уже сыгравший царя Федора на сцене Суворинского театра. А одной из первых работ во МХАТе моего товарища по Вто-

вообще нет. В разгар уличного боя в толпу дерущихся Монтеки и Капулетти врывается юноша в алом плаще. И тут же падает, сраженный шпагой противника. Смерть его воспринималась не менее трагично, чем гибель основных героев. Играл этого юношу тогда совсем молодой Б. Толмазов.

Немало подобных интересных ролей в пьесах советских авторов. Разве забуду я разыскивающую сыновей крестьянку Марью из «Любови Яровой» К. Тренева.

Невелика и роль Часовщика в «Кремлевских курантах» Н. Погодина. Но с какой тонкой комедийной характерностью проводит ее Б. Петкер! Как умеет он передать сознание человеком собственной значимости, которое дается только любовью и уважением к своему труду.

Неповторимы роли-эпизоды в комедиях Вл. Маяковского. Соглашатель из «Мистерии-буфф» стал когда-то первой шумной сценической победой И. Ильинского. «Актер, играющий меньшевика, превосходит», — писал о нем А. Луначарский. В спектакле Театра сатиры «Клоп», сыгранном восемьсот с лишним раз, крохотные роли Шафера и Гостя на «красной свадьбе» по-прежнему неподражаемо исполняют А. Папанов и Г. Тусузов.

Впрочем, этот спектакль вы можете посмотреть. Так же, как и другую работу Театра сатиры — «Маленькие комедии большого дома»: короткие истории из жизни москвичей, увлеченно разыгранные ведущими мастерами «сатирического цеха». И «Характеры» по рассказам В. Шукшина на малой сцене Театра имени Вл. Маяковского. Можете оценить мастерство, с которым Е. Гоголева играет полусумасшедшую барыню в «Грозе» А. Островского. Или познакомьтесь с одной из последних работ С. Гиацинтовой — Авдотьей Назаровой из чеховского «Иванова». Все это работы мастеров, бесконечно преданных сцене. И разве важно, что в пьесах эти роли не центральные? Все роли главные, если они талантливо исполнены, если актер или актриса любят их по-настоящему. И тогда сделанная мастером работа становится Искусством. Вот почему не существует подразделения ролей на большие, маленькие и эпизодические. Ведь искусство подлинного артиста всегда найдет путь к сердцам зрителей.

рой студии Н. Хмелева стал бессловесный лакей Петрушка в «Горе от ума».

Сорок с лишним лет не сходят с мхатовской сцены «Мертвые души» по Н. Гоголю. И со дня премьеры выхожу я на сцену одичавшей от бессмысленности жизни Коробочкой. Помню, как великолепно были в этом спектакле И. Москвин — Ноздрев, Л. Леонидов — Плюшкин, М. Кедров — Манилов. Каждый из них появлялся всего в нескольких сценах. Но силой таланта они раскрывали перед сидящими в зале глубинную суть характеров персонажей этого пугающе смешного паноптикума.

Внимание к любой роли—это ли не признак подлинного артиста! Не случайно в спектакле бывшего Театра Революции «Ромео и Джульетта» многим запомнился персонаж, которого у Шекспира